

Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний

Марианна Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Российская Федерация

В статье анализируются коды как средства выражения единиц пространства и времени в эпических текстах. Материалами исследования послужили лучшие образцы эпических сказаний: тувинских — «Хунан-Кара» и «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей», — включенных в серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1997), «Тон-Аралчын хаан» из серии «Памятники устного народного творчества» (1990), а также якутских — «Нюргун Боотур Стремительный» и «Строптивый Кулун Кулустуур» — из «Образцов народной литературы якутов» Э. К. Пекарского (1907) и В. Н. Васильева (1916). Цель исследования — экспликация «маршрутов» появления кодов в качестве проводников древнего мышления и дефиниция сходств и различий в категориях кодирования содержания эпических текстов тувинцев и якутов. В решении поставленной цели используются структурно-семиотический и герменевтический анализы, методы сравнения и обзора.

Поэтапное декодирование пространственно-временных единиц текстов эпосов (мотив первотворения, мотив описания родной страны, мотив описания другого пространства) позволяет увидеть подбор квалифицирующих противопоставлений.

В них проступают наиболее четкие специфические отличия семиотических систем эпосов, отображающих отдельные стороны природного ландшафта, этнографических реалий, жизнедеятельности тувинцев и якутов. Установлено, что в количественном отношении употребление многообразий кодовых конфигураций в обеих традициях фиксируется одинаково. Сравнительный анализ кодирований как категорий мифологического мышления приводит к выявлению инвариантных применений цветового, металлического, пространственного, временного, геометрического, числового, природно-климатического кодов, а также скрытого кода бессознательного. Вместе с тем фиксируются и отличительные приемы применений кодовых конфигураций в тувинских эпосах: реализация парного сочетания металлического и фитонимического кодов, и применение звукового кода, имплицитного природно-климатического код. Определены общие для обеих традиций объекты семиотических кодирований.

Ключевые слова: тувинский эпос; якутское олонхо; тувинский фольклор; якутский фольклор; код; бинарная оппозиция; мифопоэтическое сознание; моделирование пространства; семантическая поляризация; мифологема; импликация

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

Для цитирования:

Сатанар М. Т. Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 211-224. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Сатанар, Марианна Тимофеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института исследований Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 101а. Тел.: +7 (4112) 49-68-83; +7(914) 273-17-90. Эл. адрес: satanar68@mail.ru

SATANAR, Marianna Timofeevna, Candidate of Philology, Research Fellow, Sector for Olonkho Studies, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Postal address: 42 Kulakovskiy St., 677000 Yakutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (4112) 49-68-83; +7(914) 273-17-90. E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3546-7343

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales

Marianna T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov,
Russian Federation

The article examines codes as means of expressing units of space and time in epic texts, focusing on the best epic tales: “*Khunan Kara*” and “*Boktu-Kirish, Bora-Sheelei*” (Tuvan; published in the “*Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East*” series (1997)), “*Ton Aralchyn Khan*” (Tuvan; published in the “*Monuments of folklore*” series (1990)); “*Nyurgun Bootur the Impetuous*” and “*Kulun Kullustuur the Obstinate*” (Yakut; appeared in E.K. Pekarsky’s “*Samples of Yakut folk literature*” (1907) and in V.N. Vasiliev (1916)). The study aims to trace how the codes lead in old types of thinking and to pinpoint the similarities and differences of how the content of Tuvan and Yakut epic tales is coded. The study makes use of the methodologies of structural semiotics and hermeneutics, as well as those of review and historical comparison.

Stage-by-stage decoding of units of space and time in epic texts, such as the motifs of first creation, description of the home country, or a different space plane, leads us to the prevailing set of qualifying oppositions. They reveal the sharpest contrast between the epic tales’ semiotic systems, which, in turn, reflect the specific features of landscape in the home countries, ethnography and life of the Tuvans and Yakuts respectively. The study proves that quantitatively, code configurations are numerous in both traditions. A comparative study of coding as a category of mythological thinking narrows it down to invariant uses of colour codes, as well as that of metals, space, time, geometry, numbers, climate and nature, and of the course, the hidden code of the unconscious. At the same time, code configurations in the Tuvan epic have some distinct uses of their own: the coupling of the codes of metals and phytonyms, and the sound code imitating that of climate and nature. For both traditions, we have determined common objects of semantic coding.

Keywords: Tuvan epic; Yakut olonkho; Tuvan folklore; Yakut folklore; code; binary opposition; mythopoetical consciousness; modeling space; semantic polarization; mythologeme; implication

This research has been conducted as part of the research project funded by NEFU «Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects».

For citation:

Satanar M. T. Kody v miromodelirovaniituvinskogo i iakutskogo epicheskikh skazanii [Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 211-224. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Введение

Общеизвестна фундаментальная значимость космологической мифологии как главной моделирующей системы знаков в культуре каждого народа (Мелетинский, 2000; Элиаде, 2010; Неклюдов, 2010; Габышева, 2009; Мижит, 2010; и др.). «Культуроносны» во времени сущностные характеристики такой системы, хранящиеся и передающиеся через механизмы памяти. Важно то, что в мифопоэтическом сознании упорядочение мира происходит путем перекодировок объектов (явлений) действительности (Топоров, 2010: 412) на язык знаков. И имплицитное функционирование древнего мифологического «ядра» в сюжетах и мотивах становится явным при «... расчленении на коды, поддерживающей и преодолевающей избыточность мифологической информации» (Мелетинский, 2000: 235). Коды задаются «бинарными противопоставлениями» и, как правило, близкие по значению образы и понятия передаются в мифе посредством различных кодов, которые соответствуют данным пяти органов чувств (Леви-Стросс, 2007: 324). Эпические произведения богаты всевозможными сочетаниями кодов, их типы классифицируются в трудах У. Эко (Эко, 2006), Р. Барта (Барт, 1989), Ю. М. Лотмана (Лотман,

1996) и др. В фокусе настоящего исследования — многообразие кодов космологической мифологии, создающей классификационную сетку знаковых систем эпосов. Исследование направлено на «вскрытие» типа древнего мышления посредством «обнажения» кодовых конфигураций, функционирующих в мифологической канве эпических сказаний якутов и тувинцев с целью установления общего и особенного в применении многообразий кодов.

Семиотический и герменевтический анализы позволяют осмыслить хронотоп (М. М. Бахтин) — акт эпического миромоделирования, в качестве знаковой системы. Категории пространства и времени как в отдельности, так и во взаимосвязи рассматривались в трудах Л. Л. Габышевой (Габышева, 2009), Л. Н. Семеновой (Семенова, 2006), А. Б. Хертек (Хертек, 2015), В. С. Ондар (Ондар, 2016), М. В. Ондар (Ондар, 2017), Л. К. Хертек (Хертек, 2018), Э. Б. Самдан (Самдан, 2018) и др. Материалами исследования выбраны лучшие образцы эпических сказаний тувинцев и якутов, вошедшие в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Тувинские героические ... , 1997), «Памятники устного народного творчества» (Тувинские героические ... , 1990) и «Образцы народной литературы якутов» Э. К. Пекарского (Пекарский, 1907) и В. Н. Васильева (Васильев, 1916). Главным критерием выборки материалов послужило наличие русскоязычных переводов. Мы сознательно пренебрегаем изменениями жанровых, композиционных, хронологических и пр. показателей исходя из «настройки оптики исследования» (Неклюдов, 2008: 15) в пользу «мифологических структурирований на уровне знаков», как их называет Е. М. Мелетинский (Мелетинский, 2000: 233).

Коды, оформляющие время первотворения

Зачины эпических повествований и якутов, и тувинцев начинаются со статического описания времени. Цель этих сведений заключается в представлении наличия давнего времени (Неклюдов, 2010: 137), а их роль — в целенаправленном ориентировании слушателей в эпическое время, а далее и в пространство (Орус-оол, 2001: 11). Приведем пример из якутского олонхо:

Былыргы дьыл быдан мындаатыгар, Урукку дьыл кулан уорҕатыгар, Түөрт саха төрүү илигинэ, Үс саха үөскүү илигинэ, Икки саха иитиллэ илигинэ (Строптивый Кулун ... , 1985: 8)	На далекой вершине давних лет, На отдаленном хребте минувших лет, Когда четыре якута еще не родились, Три якута еще не появились на свет, Два якута еще не были вскормлены (там же: 286)
---	---

Такое устоявшееся начало зачинов олонхо в различных вариациях принято считать клишированным. В фрагменте прослеживается сцепление трех кодов. Это временной, антропоморфный и числовой коды, механизм развертывания которых детально представлен в предыдущей работе автора статьи (Сатанар, 2020: 304–305). Рассмотрим репрезентацию «раннего времени» в начале зачина тувинского эпоса:

Эртенгиниң эртезинде, Бурунгунуң мурнунда, Сүт-Хөл кара шалбаа, Сүмбер-Уула сүүр тей турар шагда, Калбак чуве хадып, Борбак чуве чуглуп (Тувинские героические ... , 1997: 22).	Раньше раннего, Древнее древнего [времени], Когда озеро Сют-Холь было черной лужицей, [Гора] Сумбер-Уула была остроконечным холмиком, Когда плоское несло по ветру, А круглые предметы катились (там же: 22).
---	---

«Динамической составляющей» описания «раннего времени» предстает фрагмент указания на «космические эмбрионы» основных компонентов мира — озера и горы, носящих процессуальный характер. По классификации С. Ю. Неклюдова, здесь представлена архаическая модель «расширения вселенной» (Неклюдов, 2010: 143). Речь идет об эпохе хаоса, подлежащей постепенному упо-

рядочению, в результате которого появляется космос. Формула оформляется кодом передачи (У. Эко), транслирующим сокращенное сведение о начальном времени творения. Разделительная линия ставится между мифологическим (сакральным) и историческим (профанным) временами, вступающими в отношение друг с другом. Именно к этой временной точке сводится семантика «начала» — упорядоченного отсчета другого времени. Процесс указывает на вырастание из «эмбриональной» формы (черная лужица, остроконечный холмик) в «завершенную» форму (озеро, гора) элементов мироздания, которые оформляются при помощи цветового и геометрического кодов. Семантика такого изменения задается отношениями оппозиций «лужица / озеро», «холмик / гора», в первооснове восходящих к доминантным оппозициям покоя и движения, точки и увеличения, иначе, — хаоса и космоса.

Семантически насыщен цветовой код, привязанный к ключевой лексеме «лужица». Имя *кара* 'черный' представляет собой диахронический текст, заключающий в себе двоичную классификацию «белый / черный», соответствующий отношениям противопоставлений неба и земли, дня и ночи (Габышева, 2009: 8). Утверждается, что в данном имени отражается космологическая структура традиционных представлений тюрков (там же; Муратова, 2020: 58–64). С точки зрения космогенеза, в семантике имени *кара* 'черный' как «концепта мировидения древних людей» (Белов, 1988: 50), интересны две позиции.

Во-первых, символизация данным цветом именно северной стороны света, соотношенной с Нижним миром (Габышева, 2009: 29–30). Параллелизм севера и Нижнего мира наличествует в фрагментах описания космогенеза и в якутском олонхо: «Нижний мир, задрожав, как берестяная посуда с водой, пылая в огне, подобным горящей сере, со стоном перевернулся верхом вниз и образовал страну северного полюса — преисподнюю» (Ойунский, 2016: 12). Дополним, что в пространственной ориентации соотношение севера с «низом», а юга с «верхом» относится к устоявшимся традиционным представлениям и тувинцев (Сузукей, 2009: 253).

Во-вторых, в научной литературе отмечается, что имя *кара* 'черный' в сочетании с одним из элементов первостихий — водой, транслирует значение «связанное не с цветообозначением, а с землей» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 594). Существенно то, что в тувинском языке союз имени *кара* с водой «означает “родник”, т. е. воду, выходящую из земли» (там же). В обоих случаях можно провести единый знаменатель — цветовой код «черной лужицы» указывает на переходной этап космогенеза, где имеет место быть импликация оппозиций «вода / земля», «северный полюс / южный полюс», «Нижний мир / Верхний мир». Подробная детализация этих отношений, согласно анализу Э. Б. Мижит, представлена в источниках по мифологии индуизма (Мижит, 2010: 153). Показательно, что в исследовании ученого актуализируется «сбивание богами-творцами вод с использованием горы в качестве мутовки» (там же).

В таком ракурсе становится очевидным семантическая близость «черной лужицы» с «остроконечным холмиком» (см. текст выше), где последний предстает геометрическим кодом. На наш взгляд, в данном словосочетании позиционируется «зарождающаяся» модель эпического мироздания, якутский вариант которой был исследован автором статьи¹. Об универсальности образа горы с выраженной символикой центра во многих эпических традициях пишет В. Н. Топоров (Топоров, 2010: 307). В частности, и в тувинском эпосе считается, что гора Сумбер-Уула — космическая ось мира, семантический аналог Мирового древа (Мижит, 2009: 180). Важно отметить, что радикальное значение для космогонического процесса имеет именно характер этого движения — вращение. Тексты олонхо свидетельствуют о наличии в космогенезе участка со все более возрастающей степенью упорядоченной организации пространства в виде «сгущения», локализуемого вдоль вертикальной оси, и что очень важно, — детерминированного вращением (Сатанар, 2021: 1139). В этом отношении факт фиксации формы объекта, которая в двумерной проекции предстает в виде остроконечного треугольника, весьма показательна с точки зрения логики «формирующейся» космической модели, как ценный фрагмент «детства Вселенной» (Гаццак, 1989: 9). Геометрический код задается оппозициями «верх / низ», где четко очерчивается верх в виде единственной точки, и низ, расширяющийся к основанию. В связи неразрывной трехчастной конструкцией мироздания как единой системы, заметим, что в олонхо о

¹ Сатанар М. Т. Эпическая модель мира в якутском олонхо: структура и семантика : автореф. дисс. ... к-та фил. н. Майкоп, 2021. 20 с.

форме Нижнего мира повествуется как: «... верх его суживающийся, середина, расширяющаяся книзу, низ более широкий» (Кулаковский, 1979: 8). С этих позиций интерес привлекает мировая гора Сумбер-Уула как модель Вселенной, изучение ее статики и динамики через призму геометрии форм, которая является темой будущих исследований.

Примечательно, что в тувинском эпосе динамика качественных изменений дополняется прямым указанием на характер линейных и вращательных движений, сводимых к глаголам «неслось» и «катились» (см. текст выше). В мифопоэтическом сознании древних людей имплицитно кодирован космологический код, предполагающий последовательное возникновение горизонтальной и вертикальной систем координат мироздания. Код задается оппозициями «плоское / круглое», «верх / низ», «небо / земля», «воздух / земля» и т. д. Так постепенно начинает разворачиваться картина мира тувинского эпоса.

В зачинах эпосов содержатся важные сведения об акте творения, свидетельствующие также о наличии скрытого кода бессознательного (отсылающего к присутствию творца), имеющего глубокую мотивацию в архаическом сознании древних людей (У. Эко). Так, в олонхо говорится:

<p>Онуоха Одун Биис оҗонньор, Дьылҗа тойон эттэ: Бу орто борон туруу дьаьыл дойдуга айбыт киһибит-сүөһүбүт түөрэккэй төлкөлөннө (Нюргун Боотур ..., 1947: 72)</p>	<p>Вышний старец Одун Биис Дьылга тойон сказал: Все люди и скот, сотворенные нами в среднем серопятнистом мире, обречены на шаткую судьбу (там же: 73)</p>
---	--

Согласно Э. Б. Мижит, в исходном начальном времени появления мира, в тувинских эпосах также обозначается присутствие Творца: «Когда творилось время-вселенная / Когда бог Шагжыы-Тумей творил книгой», или «... и узнал он, что весь этот народ — / Это люди, которых с Верхнего мира / Спустил ему Курбусту-Хаан» (Мижит, 2010: 154). В этих случаях реализуемый код бессознательного оформляется противопоставлениями «небытие / бытие», «вечность / конечность», «пустота / материя», «творец / творение», «бог / люди». В завершающей фазе зачина при представлении богатыря внимание привлекает манифестация в текстах факта «быстротекучести времени»:

<p>Дьахтар биир хонон баран Биир ыйдаах буолбут, Икки хонон баран Икки ыйдаах буолбут (Строптивый Кулун ..., 1985: 171).</p>	<p>У женщины уже через сутки Была месячная беременность, Через двое суток — Двухмесячная (там же: 437).</p>
--	---

А вот как растет родившийся богатырь в тувинском эпосе:

<p>Бир хонгаш, “Бир харлыг мен” — деп, Ижи хонгаш, “Ижи харлыг мен” — деп (Тувинские героические ..., 1997: 70).</p>	<p>Одни сутки прошли: “Год мне!” — говорит. Двое суток прошло: “Два года мне!” — говорит (там же: 71).</p>
--	--

В приведенных примерах временной код, задаваемый оппозициями «одни сутки / один год», «двое суток / два года», передает сведения о существовании иного времени в сравнении с обычным временным потоком, обуславливаемого отличительными качествами героев эпосов. А это значит, что в мифопоэтическом сознании древних речь идет о существовании другого пространства космоса в мировых просторах, на основании концепции неразрывности времени и пространства, образующих хронотоп (Бахтин, 1975: 234).

Коды, используемые в организации вертикальной структуры мироздания

Общеизвестно, что локальные особенности трех эпических миров реализуют вертикальную систему координат в эпическом мироздании, свойственную обеим традициям. Вертикальная организация пространства в олонхо «Строптивный Кулун Куллустиуур» представлена коновязью:

<p>Тэлгэһэтин хабыллан турар хаба ортотугар Үс томторѳолоох тойон сэргэлээх; Бастын сэргэтэ мохсоѳолунан моойноммут, Өксөкүнэн өрүөллэммит Хахайынан харыанчахаламмыт, Бар кыылынан бастаммыт; Ортоку сэргэтэ суорунан сурааһыннаммыт, Кэлин сэргэтэ кэѳэнэн кэрдиистэммит эбит (Строптивный Кулун ..., 1985: 13).</p>	<p>На самой середине надворья стоят Три главных столба-коновязи... Передний столб кончается ястребом, увенчан орлом- ёксёкю, Окрашен львиной кровью, На макушке имеет бар-зверя, На среднем столбе ворон нарисован, На заднем столбе кукушка изображена (там же: 291).</p>
--	--

Приведенный фрагмент мотива описания страны богатыря изобилует символикой птиц, оформляющих зооморфные коды. Наличествует числовой код и доминирующий — пространственный код. Описание родной земли предельно насыщено детализирующими элементами «вписанных» в крупный локус (страна) мелких локусов (надворье, коновязь, жилище, очаг), моделирующих мифологический космос и по горизонтальной версии пространства. Так маркируется сакральный центр. Число три является космологической константой во всех тюркских эпосах, семантика которой в виде идеальной модели в организации и временного, и пространственного рядов подробно анализирована В. Н. Топоровым (Топоров, 2010: 137–138). Внимания заслуживает импликация пространственного кода, «заключающего в себе» сразу две версии координат. В представленной иерархической структуре трех столбов очевидно соотношение символики ястреба, орла, льва и бар-зверя с Верхним миром, символа кукушки с хтоническим Нижним миром. Символика ворона как «неперелетной птицы, наблюдаемой и зимой, и летом» (Габышева, 2009: 92) служит медиатором, осуществляющим нейтрализацию между Верхним и Нижним мирами, светом и тьмой, жизнью и смертью. В разворачивании горизонтальной версии посредством семантической цепи «передняя, средняя, задняя» ярко демонстрируется изоморфизм горизонтальной и вертикальной структур в пространственной ориентировке, свойственный многим тюркским народам.

Моделирующая функция образа коновязи наблюдается и в тувинском эпосе:

<p>Хунан Кара биле Узун-Назын даңгына-даа Оюн эгези чугаазын чугаалажып Олурган иргинийин. Кадыг кара селемезин “Дээрге деңнешкен Демир терек баглааш бол” — Дээш, шашкаштың (Тувинские героические ..., 1997: 192).</p>	<p>Хунан Кара... Могучую-крепкую саблю свою У двери того дома с окнами [В землю] воткнул, сказал: “Стань железной-тополиной коновязью, Достигающей неба!” (там же: 193).</p>
--	--

Внимание привлекает замена образа коновязи (занимающего пространственный центр) его эквивалентом — саблей. Идея могучести-крепкости обеспечивает надежность, устойчивость, неподвижность вертикали мироздания. К пространственному коду примыкает металлический код. В тувинских эпосах коновязи часто обозначаются девятигранными (Мижит, 2010: 170). Без сомнений, в описаниях с применением числовых и металлических кодов манифестируется идея космологической

реминисценции древних представлений. Следует отметить, что символика числа девять как сакрального числа достаточно полно анализируется в статье Э. Б. Мижит (там же: 168–171). Интересным представляется парное сочетание эпитетов «железный» и «тополиный», где наблюдается сцепление металлического и фитонимического кодов. Здесь, с точки зрения аксиологизации, железо в сочетании с коновязью приобретает свое положительное коннотативное значение на основании положения «мифологические “предметы”, “существа” оказываются своеобразными пучками различительных признаков, так что по одним признакам они отождествляются, а по другим противопоставляются» (Мелетинский, 2000: 233). В архаическом сознании отношение тождества между эпитетом «железный» и образом коновязи устанавливается на основании ключевого признака — «твердости и крепости железа» (Габышева, 2012: 118). Примыкание эпитета «тополиный» актуализирует связь с концепцией мирового древа. Согласно архаическому мышлению, восприятие древних людей воплощается в образах земных представлений посредством фиксирований аналогий из окружающего ландшафта. В этом смысле заметим, что доминирующий в природном ландшафте Тувы тополь, действительно пользуется почтительным отношением народа, отражающимся в культуре и традициях тувинцев (Монгуш, 2014: 22–24).

Коды, используемые в организации горизонтальной структуры мироздания

В якутском олонхо разворачивание горизонтальной структуры пространства реализуется посредством постепенного описания четырех направлений света с предельной детализацией элементов, организующих это пространство. Обратимся к примеру:

<p>Туналытта толоонун ортотун уу дьулайыгар Бэйэтэ туругуран үөскээбит эбит. Оол улаҕатыгар — ... Улаан дьабыл үрэх субуллаан түспүт. Бу үрэх ортотунан... Тонмот муора сүрүннэнэн киирбит эбит. Оол илин өттүнэн... — Кылбаарытта кытыла диэн Кытыллаах буолбут. Бу илин өттүнэн... — Үс үңкүү көмүс дьүөдэй булгуньахтаах эбит... Дойдутун-сирин созуруу энээрин Туруорута көрөн таһаардахха — ... Ол арҕаа өттүнэн Батыһыннара көрөн түһэрдэххэ — ... Алаан-дьалаан алаастар.... (Строптивый Кулун ..., 1985: 11–12).</p>	<p>Оказывается, вырос он В самой середине сверкающей долины. Если... взглянуть дальше этой долины, [Откроется]... пасть с широкой рекой. Эта река, ... проложила себе русло В незамерзающем море с девятью заливами. Если посмотреть на восток от моря, Увидим высокий берег, Именуемый... Кылбаарытта-берегом. Если еще раз посмотреть Дальше на восток от него — Стоят... три ликующих серебряных холма. Если посмотреть снизу ввысь, На южную сторону этой земли-страны — Стоят громады каменных утесов... Если сверху вниз посмотреть На западную ее сторону — Безмерно широкие елани раскинулись... (там же: 289).</p>
--	---

Л. Н. Семеновой установлено, что таким способом воспроизводится «движение солнца по небесному своду» (Семенова, 2006: 41) и, что важно — с акцентом темы вращения. Отметим, что фрагмент богат сравнениями и метафорами, принадлежащими собственно области поэзии, а не мифологии. Без сомнений, в свою очередь эти метафорические аналогии связаны с эстетическим кодом поэтического миромоделирования (что прослеживается и в примерах, приведенных ниже), которому свойственно оперировать именно абстрагированными понятиями и категориями из сферы экзистенциально-чувственного опыта человека. Пространственная лексика не снабжается символами. Тем не менее, семантические поляризации «восток / запад» и «юг / север» описываются при помощи топографических кодов, оформляемых противопоставлениями серебряных холмов с широкими еланиями, каменных

утесов с незамерзающим морем. Заметим, что на более низком уровне наличествует и металлический код, имплицитный соотнесенность с благоприятной стороной света — востоком. А на более высоком уровне реализуется базовый код — акциональный, по Р. Барту, обозначающий код действия (Барт, 1989: 456), поскольку сама траектория движения по кругу уже наделяет действие символической семантикой (Толстая, 2010: 14). Таким образом, в анализируемом фрагменте текста обнаруживается трехуровневая иерархия кодов. Примечательно, что оппозиция юга и запада, которая дополняется формулами «если посмотреть снизу ввысь», «если сверху вниз посмотреть» в данном фрагменте понимается как версия оппозиции верха и низа (Семенова, 2006: 45), соответствующей вертикали мироздания (изоморфизм структур).

В моделировании горизонтального пространства тувинского эпоса направления сторон света вводятся отдельными деталями:

<p>Шил-Даг, Шилен-Дагны чурттап турар Далай-Байбың хаан деп Хаан турган иргин ийин... Өвүрзүнде чиңнеп хавыраар Өле-булагыг-даа, Арызында чиңнеп хавыраар Арбын-түмен алалыг-даа Чүмези иргин ийин (Тувинские героические ..., 1997: 54).</p>	<p>В краю, где [горы] Шил-Даг, Шилен-Даг, Жил хан... Были у него [Кони] разных мастей, Выпасаемые на южном склоне, И многие тысячи пегих [коней], Выпасаемых на северном склоне (там же: 55).</p>
---	--

Как видно, к реализуемому в зачине геометрическому коду (форма горы) присоединяются элементы южного и северного сторон света, которые согласно трехмерной системе координат геометрической формы уже имплицитно содержат намеки на присутствие остальных направлений света. Пространственный код оформляется посредством отношений юга и севера, где юг априори позиционируется тюркскими народами солнечной стороной (Габышева, 2009: 38). Хотя в описании прослеживается выпадание сегментов «юг — запад», «запад — север», тем не менее не нарушаемое «последовательное перечисление сторон по направлению движения солнца» (Семенова, 2006: 41) восполняет обозначение западной стороны эпического пространства.

Упомянутые в тексте масти коней также являются частью классификационной схемы семиотического пространства. Формула, описывающая разномастность коней (вписанных в разные зоны пространства), на поверхностном смысловом уровне отражает тождественность описываемых объектов. Так, если на южном склоне прямо указывается наличие разных мастей, то относительно северного склона горы актуализируется цветовой эпитет «пегий». Масть отличается «наличием пятен, распределенных по всему телу на основном окрасе» (Куулар, 2017: 442), при которых основной окрас может варьироваться в достаточно широком диапазоне (Даржа, 2014) — от светлого до темного.

Существенным предстает и то, что в тувинском языке *ала-була* переводится как разномастный, разноцветный (Тувинско-русский ..., 1968: 24). На глубинном уровне друг против друга фиксируются свет и тьма, день и ночь, образы коней разных мастей, воплощающих жизнь Среднего мира, и образы пегих коней, семантически связанных с Нижним миром. Согласно Л. Л. Габышевой, «в тюркских языках концепт “жизнь” устойчиво обозначается словом *күн* (солнце)» (Габышева, 2009: 41), следовательно, можно допустить наличие семантической структуры «юг — свет — день — жизнь — кони разных мастей». Соответствие же образов пегих коней с Нижним миром может быть воспроизведено с помощью выписок из этнографических исследований по проблеме исторических связей народов Саяно-Алтая с якутами: в Нижний мир шаман спускается по северной стороне, при этом он представляет свой бубен как ездовой пегий конь (Потапов, 1978: 87–88). В целом считается, что такое почитание пегих мастей являлось одним из древних представлений тюрков, уйгур и др. (там же: 88). Таким образом, на основе обозначенного параллелизма севера, Нижнего мира и пегих коней можно резюмировать, что в анализируемом фрагменте используется и цветовой код.

Коды, используемые в формулах, описывающих концепт «другое пространство»

<p>Атыыр оџус хабарџатын быһа баттаабыт курдук Тимир дьулуу аартык таннары түспүтүн устун баран истэ. Онтон барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду устун баран истэ, буспут мунду минин курдук борук-сорук дойду устун баран истэ. Кэлтэгэй ыйдаах-күннээх дойду эбит... Кырынаас дьаарын курдук ыы-дьаар сыттаах хара төлөн өрө оргуйа турар сирин устун баран истэ (Нюргун Боотур ..., 1947: 120).</p>	<p>Он спустился вниз по Тимир Дьулуу аартык, железному, крутому и страшному, зияющему словно перерезанному горлу быка-пороза. Дальше проезжал он по стране мрачносерой, похожей на недоваренную рыбу уху; по сумеречной стране, подобной ухе мелкой рыбки-мундушки. В этой стране солнце и луна шербаты. Потом он поехал по такой стране, где смрад с запахом горностая курился черным пламенем (там же: 121).</p>
---	--

В данном фрагменте якутского олонхо сочетаются семь кодов: животно-телесный, металлический, природно-климатический, пищевой, обонятельный, цветовой. Локус, маркирующий вход в чужой Нижний мир традиционно называется *аартык* ‘теснина, перевал, проход’ (Пекарский, 1959: 152). Отождествление входа «перерезанному горлу быка-пороза» инициируется использованием животно-телесного кода, при котором образ быка предстает антропоморфной маркировкой Нижнего мира. Код оформляется посредством противопоставления «лошадь / бык», соответствующему отношениям оппозиций «верх / низ», «Верхний мир / Нижний мир» и т. д. «Металлический» код устойчиво используется во многих тюркских эпосах (Габышева, 2012), и эпитет «железный» в якутской традиции служит типичной деталью ландшафта Нижнего мира. Как правило, в мифопоэтической картине мира семантическую поляризацию с эпитетом «железный» составляет эпитет «серебряный». Реализация природно-климатического кода оформляется с помощью оппозиций «сверкающая, солнечная страна / мрачно-серая, сумеречная страна», «Верхний мир / Нижний мир». Показательно, что в описании Верхнего мира используется благоприятная «серебряная» символика:

<p>[Бу туран] оол-бу диэки Төрөөбүтүнэн оџо курдук Алаар-малаар көрө турда. Күн уота көмүс измэх аалыытын курдук Күлүмнүү тохто турар дойдута эбит (Строптивый Кулун ..., 1985: 47).</p>	<p>Словно новорожденный ребенок, Стоял он так, Бессмысленно озираясь по сторонам. Оказывается, попал он в страну, Где солнечные лучи сыплются, сверкая, Как опилки с серебряных сережек (там же: 322).</p>
--	--

Природно-климатический код переплетается с пищевым кодом. Традиционным считается то, что «недоваренная уха» служит семантическим знаком преисподней (Семенова, 2006: 82). И наконец, к ним примыкают обонятельный и цветовой коды, с помощью которых визуальный образ Нижнего мира дополняется «внутренней речью восприятия» (Бразговская, 2018: 87) мерзкого запаха, усиливаемого отрицательной семантикой черного цвета. Далее, рассмотрим описание «иного пространства» в тувинском эпосе:

<p>Оџду-даа, суу-даа оо-хораан, Дуюглог чувенин дуюу дурлуп каар, Чуглуг куштун чуу савалып каар Кончуг берге чер чуве (Тувинские героические ..., 1990: 149–150).</p>	<p>Растительность и вода отравленные, Копытное животное не дойдет, У летевшей птицы крылья рассыплются, Такое тяжелое место, оказывается (Хертек, 2018: 405).</p>
--	---

Или:

<p>Шулбустайнын оран черинде Куйт дээр кускун-даа чок, Сайт дээр сааскан-даа чок, Мындыг оран болган (Тувинские героические ..., 1990: 152)</p>	<p>В стране Шулбустая нет ворона, Который бы куйт прокричал, Нет даже сороки, Которая бы сайт прокричала, Такая вот страна (Хертек, 2018: 405)</p>
---	--

Как видно, в тувинской традиции образ Нижнего мира классифицируется по главному признаку безжизненности. Эксплицитно наличествует ландшафтный код, задаваемый ключевым лексическим обозначением «отравленные», которое кратко и исчерпывающе дает характеристику этому пространству. В приведенных фрагментах имплицитно природно-климатический код посредством использования символик птиц и животных. При этом именно их действия передают сообщения о страшном месте, где отсутствуют нормальные условия для функционирования жизни вообще. Во втором примере акцентируется звуковой код, также «работающий» на главную особенность этого враждебного пространства — безмолвия и смерти. Построения кодовых конфигураций основываются на противопоставлениях с образцом описаний земного бытия — бьющие из недр земли родниковые воды и мертвая стоячая вода, цветущая зелень и отравленное растение, звуки природы и безмолвие, движение и покой, жизнь и смерть, восходящих к базовой оппозиции «свой / чужой». Принято считать, что одним из классифицирующих признаков Нижнего мира служит эпический локус *оран* (мир, местность). Согласно Л. К. Хертек, при употреблении слова *оран* в контексте эпической картины мира «в его семантической структуре возникает негативный коннотативный компонент» (Хертек, 2018: 405).

Заключение

Анализ категорий кодирования якутского и тувинского фольклора как важного структурообразующего компонента мифа позволил реконструировать «маршруты мышления в мифологическом поле, упорядоченных по одной оси» (Леви-Стросс, 1999: 12). Так, «обнажение» переплетений кодов приводит к экспликации в глубинных мифологических пластах эпосов докодовых структур — архетипов сознания как способов мышления: целостность мировосприятия (закрепленный в семантике образа творца), мифологема вращения (циклическая концепция), мифологема разделения (отделение верха от низа), единое устройство мира (трехчастность и четырехчастность структур), бинаризм идеи оценочности, антропоцентричность мировосприятия, мифологема сравнения. Ценным предстает фиксация в зачине тувинского эпоса «зарождающейся» модели мироздания в ракурсе геометрии форм, находящий соответствия с пирамидальной моделью мира якутского олонхо. Тенденция функционирования этой формы и в других знаковых системах (структура общества, ДНК (носителя генетической информации), экономических отношений и т. д.) устойчивая (Сатанар, 2021), и есть основания предположить, что зафиксированная в зачине тувинского эпоса геометрическая модель является одним из базовых архетипов человеческого сознания.

В процессе декодирования элементов мифа, а именно словесно оформленных единиц модусов эпического пространства и времени (мотив, концепты) вскрывается подбор квалифицирующих противопоставлений, где проступают наиболее четкие специфические отличия семиотических систем эпосов, отображающих отдельные стороны природного ландшафта, этнографических реалий, жизнедеятельности тувинцев и якутов. В целом, в количественном отношении, использование многообразий кодовых конфигураций в обеих традициях фиксируется одинаково. Обнаруживаются инвариантные применения цветового, металлического, пространственного, временного, геометрического, числового, природно-климатического кодов, а также скрытого кода бессознательного. Общими объектами семиотических кодирований предстают концепты: геометрическая пространственная форма мира, родная страна, коновязь, Нижний мир. Свообразными можно отметить символизацию оси мира саблей и реализацию парного сочетания металлического и фитонимического кодов в оформлении формулы, описывающей сакральную вертикаль, а также

эффектное применение звукового кода, имплицитующего природно-климатический код в тувинском варианте, не встречающегося в текстах якутского олонхо.

Полученные выводы обозначают перспективы дальнейших декодирований и интерпретаций знаковых единиц семиотических систем эпосов в ракурсе динамик их пространственно-временных континуумов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Р. (1989) Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 616 с. С. 424–461.
- Бахтин, М. М. (1975) Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Художественная литература. 504 с. С. 234–407.
- Белов, А. И. (1988) Цветовые этноэидемы как объект психолингвистики // Этнопсихолингвистика : сб. статей / отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. М. : Наука. 192 с. С. 49–58.
- Бразговская, Е. (2018) В лабиринтах семиотики: очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 224 с.
- Васильев, В. Н. (1916) Образцы народной литературы якутов. Сказка. Вып. 1. Петроград : Типография Императорской Академии наук. 210 с.
- Габышева, Л. Л. (2009) Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск : Наука. 143 с.
- Габышева Л. Л. (2012) Символическое значение номинаций металлов в эпосе якутов и других тюркских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. № 3. С. 115–120.
- Гацак, В. М. (1989) Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики / отв. ред. А. В. Кудияров. М. : Наука. 254 с.
- Даржа, В. (2014) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 184 с.
- Кулаковский, А. Е. (1979) Научные труды. Якутск : Книжное издательство. 484 с.
- Куулар, Е. М. (2017) Лексемы, обозначающие масти лошадей в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 441–443.
- Леви-Стросс, К. (1999) Мифологии : в 4-х т. / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. М. ; СПб. : Университетская книга. Т. 1. Сырое и приготовленное. 406 с.
- Леви-Стросс, К. (2007) Мифологии. Человек голый / пер. с фр. К. З. Акопян. М. : ИД «Флюид». 784 с.
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / гл. ред. Т. Д. Кузовкина. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Мелетинский, Е. М. (2000) Поэтика мифа. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 407 с.
- Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 149–172.
- Мижит, Л. С. (2009) Тройственные образы в мифологии и фольклоре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 173–188.
- Монгуш, О. С. (2014) Отношение тувинского народа к тополи как одно из проявлений общей культуры и традиций // Мир науки, культуры, образования. № 6 (49). С. 22–24.
- Муратова, Р. Т. (2020) Цветообозначение кара 'черный' в башкирском языке: лексико-семантический анализ денотативных и коннотативных значений // Проблемы востоковедения. № 1 (87). С. 58–64. DOI: <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10109>
- Неклюдов, С. Ю. (2008) Поле гуманитарного знания и стратегии исследования народной культуры // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 10. С. 11–24.
- Неклюдов, С. Ю. (2010) Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: к 75-летию акад. Б. Л. Рифтина / отв. ред. И. С. Смирнов. М. : РГГУ. 609 с. С. 137–149.
- Нюргун Боотур Стремительный: богатырский эпос якутов (1947) / текст К. Г. Оросина; ред., пер., комм. Г. У. Эргис. Якутск : Госиздат ЯАССР. 410 с.
- Ойунский, П. А. (2016) Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание / отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск : Сайдам. 120 с.

Ондар, В. С. (2016) Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (56) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 129-134.

Ондар, М. В. (2017) Стандарты, отражающие время, в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (67) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 157-163.

Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания. Текстология, поэтика, стиль / отв. ред. В. М. Гацак. М. : Макс Пресс. 422 с.

Пекарский, Э. К. (1907) Образцы народной литературы якутов. Вып. 1. СПб. : Типография Императорской Академии наук. 42 с.

Пекарский, Э. К. (1959) Словарь якутского языка : в 3-х т. Л. : Изд-во АН СССР. Т. I. 1280 стб.

Потапов, Л. П. (1978) Исторические связи алтае-сааянских народов с якутами // Советская этнография. № 5. С. 85-95.

Самдан, З. Б. (2018) Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир науки, культуры, образования. № 6 (73). С. 501-504.

Сатанар, М. Т. (2020) Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) // Научный диалог. № 6. С. 302-319. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-302-319>

Сатанар, М. Т. (2021) К семиотической интерпретации мифологического образа древа Аал Луук мас в эпосе олонхо // Oriental Studies. Т. 13. № 4. С. 1135-1154. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154>

Семенова, Л. Н. (2006) Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика / ред. Т. Г. Бугакова. СПб. : Петербургское востоковедение. 232 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.

Строптивный Кулун Куллустуур: якутское олонхо (1985) / текст И. Г. Тимофеева-Теплоухова; гл. ред. А. А. Петросян. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 608 с.

Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. №№ 1-2. С. 250-267.

Толстая, С. М. (2010) Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М. : Книжный дом «Либроком». 368 с.

Топоров, В. Н. (2010) Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы : в 2 т. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. II. 496 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Изд-во «Советская энциклопедия». 465 с.

Тувинские героические сказания (1990) / Памятники устного народного творчества / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. Т. 1. 272 с.

Тувинские героические сказания (1997) / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. / отв. ред. тома В. М. Гацак. Новосибирск : Наука. 584 с.

Хертек, А. Б. (2015) Категория пространства в тувинских фольклорных текстах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №3 (1). С. 326-329.

Хертек, Л. К. (2018) Концепт «пространство» в эпической картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (84). Ч. 2. С. 402-407. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Эко, У. (2006) Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум. 544 с.

Элиаде, М. (2010) Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М. : Академический проект. 256 с.

Дата поступления: 25.05.2021 г.

REFERENCES

Bart, R. (1989) Tekstovoi analiz odnoi novelly Edgara Po [Text analysis of a novel by Edgar Poe]. In: Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]* / comp. and ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress. 616 p. Pp. 424-461. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975) Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In: Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniia raznykh let [Questions of literature and aesthetics: studies of different years]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 504 p. Pp. 234-407. (In Russ.).

Belov, A. I. (1988) Tsvetovye etnoideimy kak ob'ekt psikholingvistiki [Color ethnoideoms as an object of psycholinguistics]. In: *Etnopsikholingvistika [Ethnopsycholinguistics]* : a collection of articles / ed. by Yu. A. Sorokin. Moscow, Nauka. 192 p. Pp. 49–58. (In Russ.).

Brazgovskaia, E. (2018) *V labirintakh semiotiki: ocherki i etyudy po obshchei semiotike i semiotike iskusstva [In the labyrinths of semiotics: essays and studies on general semiotics and semiotics of art]*. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 224 p. (In Russ.).

Vasil'ev, V. N. (1916) *Obraztsy narodnoi literatury iakutov. Skazka [Samples of Yakut folk literature: The fairy tale]*. Vol. 1. Petrograd, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 210 p. (In Russ.).

Gabyшева, L. L. (2009) *Fol'klornyi tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoi pamiati [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]*. Novosibirsk, Nauka. 143 p. (In Russ.).

Gabyшева L. L. (2012) Simvolicheskoe znachenie nominatsii metallov v epose iakutov i drugih tiurkskikh narodov [The symbolic significance of nominations of metals in the epic of Yakut and other Turkic people]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, no. 3, pp. 115–120. (In Russ.).

Gatsak, V. M. (1989) *Ustnaia epicheskaia traditsiia vo vremeni: istoricheskoe issledovanie poetiki [Oral epic tradition in time: A historical study of poetics]* / ed. by A. V. Kudiiarov. Moscow, Nauka. 254 p. (In Russ.).

Darzha, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads]* / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 184 p. (In Russ.).

Kulakovskii, A. E. (1979) *Nauchnye Trudy [Research works]*. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 484 p. (In Russ.).

Kuular, E. M. (2017) Leksemy, oboznachaiushchie masti loshadei v tuvinskom iazyke [Lexemes denoting the color of a horse in the Tuvan language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 441–443. (In Russ.).

Lévi-Strauss, K. (1999) *Mifologiki [Mythologiques]* : in 4 vols. / transl. from Fr. by N. B. Man'kovskaia. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaia kniga. Vol. 1. Syroe i prigotovlennoe [The raw and the cooked]. 406 p. (In Russ.).

Lévi-Strauss, K. (2007) *Mythologiques. Chelovek golyi [Mythologiques. The naked man]* / transl. from Fr. by K. Z. Akopian. Moscow, ID «Fluid». 784 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri mysl'ashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]* / ed. by T. D. Kuzovkin. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Meletinskii, E. M. (2000) *Poetika mifa [The poetics of myth]*. Moscow, Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN. 407 p. (In Russ.).

Mizhit, E. B. (2010) Tuvinskaia traditsionnaia kosmologiya v geroicheskom epose [Tuvan traditional cosmology in the heroic epic]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 149–172. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2009) Troistvennye obrazy v mifologii i fol'klоре tuvintsev [Triple images in the mythology and folklore of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 173–188. (In Russ.).

Mongush, O. S. (2014) Otnoshenie tuvinskogo naroda k topoliu kak odno iz proiavlennii obshchei kul'tury i traditsii [The attitude of the Tuvan people to the poplar as one of manifestations of their general culture and traditions]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (49), pp. 22–24. (In Russ.).

Muratova, R. T. (2020) Tsvetooboznachenie kara 'chernyi' v bashkirskom iazyke: leksiko-semanticheskii analiz denotativnykh i konnotativnykh znachenii [The colour term qara 'black' in the Bashkir language: lexico-semantic analysis of denotative and connotative meanings]. *Problemy vostokovedeniia*, no. 1 (87), pp. 58–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10109>

Nekliudov, S. Yu. (2008) Pole gumanitarnogo znaniia i strategii issledovaniia narodnoi kul'tury [The field of the humanities and strategies for the study of folk culture]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 10, pp. 11–24. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2010) Morfologiya i semantika epicheskogo zachina v fol'klоре mongol'skikh narodov [Morphology and semantics of the epic origin in the folklore of the Mongolian peoples]. In: *Kitai i okrestnosti: mifologiya, fol'klор, literatura: k 75-letiiu akad. B. L. Riftina [China and its surroundings: mythology, folklore, literature: for the 75th anniversary of B. L. Riftin, Fellow of RAN]* / ed. by I. S. Smirnov. Moscow, RGGU. 609 p. Pp. 137–149. (In Russ.).

Niurgun Bootur Stremitel'nyi: bogatyrskii epos iakutov [Nyurgun Bootur the Impetuous: the heroic epic of the Yakuts] (1947) / text by K. G. Orosina; ed. and comp. by G. U. Ergis. Yakutsk, Gosizdat IaASSR. 410 p. (In Russ.).

Oiunskii, P. A. (2016) *Yakutskaa skazka (olonkho), ee siuzhet i sodержanie [Yakut tales (olonkho), their plot and content]* / ed. by V. N. Ivanov. Yakutsk, Saidam. 120 p. (In Russ.).

Ondar, V. S. (2016) Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom iazyke (na materiale geroicheskogo eposa «Boktu-Kirish, Bora-Sheeley») [Reflection of the category of space in the Tuvan language: the case of the “Boktu-Kirish, Bora-Sheeley” heroic epic]. *Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (56) : in 2 parts. Part 2, pp. 129–134. (In Russ.).

Ondar, M. V. (2017) Standarty, otrazhaiushchie vremia, v tuvinskiikh geroicheskikh skazaniiaxh [Time-reflecting standards in the texts of the Tuvan heroic epic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (67) : in 2 parts. Part 2, pp. 157–163. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (1997) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic legends]*. Novosibirsk, Nauka. 479 p. (In Russ.).

Pekarskii, E. K. (1907) *Obraztsy narodnoi literatury iakutov [Samples of Yakut folk literature]*. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 42 p. (In Russ.).

Pekarskii, E. K. (1959) *Slovar' iakutskogo iazyka [A Dictionary of the Yakut language]*: in 3 vol. Leningrad, AN SSSR Publ. Vol. I. 1280 stb. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1978) Istoricheskie sviazi altae-saianskikh narodov s iakutami [Historical ties between the Altai-Sayan peoples and the Yakuts]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 85–95. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2018) Simvolika vremeni i prostranstva v tuvinskoii mifologii [Symbolism of time and space in tuvin mythology]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (73), pp. 501–504. (In Russ.).

Satanar, M. T. (2020) Eksplikatsiia nekotorykh kodov mifologicheskoi sistemy iakutskogo eposa olonkho (k postanovke voprosa o fol'klornom vremeni i prostranstve) [Some codes in the mythological system of the Olonkho Yakut epic: On time and space in folklore]. *Nauchnyi dialog*, no. 6, pp. 302–319. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-302-319>

Satanar, M. T. (2021) K semioticheskoi interpretatsii mifologicheskogo obraza dreva Aal Luuk mas v epose olonkho [The tree of Aal Luuk Mas: Semiotic interpretation of the mythological image in the Olonkho epic revisited]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 1135–1154. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154>

Semenova, L. N. (2006) *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaia organizatsiia i siuzhetika [The epic world of Olonkho: spatial organization and plot]* / ed. by T. G. Bugakova. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 232 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary] (2001) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.).

Stroptivyi Kulun Kullustuur: iakutskoe olonkho [Kulun Kullustuur the Obstinate: a Yakut olonkho] (1985) / text by I. G. Timofeeva-Teploukhova; ed. by A. A. Petrosian. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka». 608 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2009) Prostranstvo i vremia v traditsionnoi kul'ture tuvintsev [Space and time in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 250–267. (In Russ.).

Tolstaia, S. M. (2010) *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury: Ocherki po slavianskoi etnolingvistike [Semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 368 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010) *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы [The World Tree: universal sign complexes]*: in 2 vols. In: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi [Manuscript monuments of Old Rus]. Vol. II. Moscow, 496 p. (In Russ.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic tales] (1990) In: Pamiatniki ustnogo narodnogo tvorchestva [Monuments of folklore]. Vol. 1. / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic tales] (1997) / comp. by S. M. Orus-ool. Novosibirsk, Nauka. 584 p. (In Russ.).

Khertek, A. B. (2015) Kategorii prostranstva v tuvinskiikh fol'klornykh tekstakh [Category of space in Tuvan folklore texts]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 3 (1), pp. 326–329. (In Russ.).

Khertek, L. K. (2018) Kontsept «prostranstvo» v epicheskoi kartine mira [The concept of “space” in the epic world view]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6 (84), part 2, pp. 402–407. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Eco, U. (2006) *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu [The absent structure. An introduction to semiology]* / transl. from Italy by V. G. Reznik and A. G. Pogoniailo. St. Petersburg, Simpozium. 544 p. (In Russ.).

Eliade, M. (2010) *Aspekty mifa [Aspects of the myth]* / transl. from Fr. by V. P. Bol'shakov. Moscow, Akademicheskii proekt. 256 p. (In Russ.).

Submission date: 25.05.2021.